

Славка + Нинка.

Книга 1.

Славка.

Глава 1.

Когда всё было хорошо...

Я расскажу эту историю с самого начала. С этой девчонкой я был знаком лет с полутора. Мои бабушка и дед были соседями по даче с её родителями. Мы были ещё почти младенцами, когда началась наша дружба - общая песочница на границе участков и общий зелёный пластмассовый горшок на двоих. И так каждую весну, лето и осень. Затем перерыв месяцев на пять-шесть и опять вместе. Мы были сиамскими близнецами летом и абсолютно не виделись зимой, даже не перезванивались. Когда мы стали старше, моя мать обратила на этот факт моё внимание:

- Странная у вас дружба, Славик. Шесть месяцев в году вы проводите вместе каждую минуту, а полгода даже не вспоминаете друг о друге.

Это было не так, я вспоминал о Нинке, так, кстати, её звали. У меня был её домашний телефон, я списал его из бабушкиной записной книжки, но позвонить!? В этом было что-то странное, даже непристойное для меня, будто выставить напоказ свою привязанность, свою зависимость от неё.

Так продолжалось лет до 11 или 12 точно не помню. Нинка была вечной заводилой наших игр и генератором идей и проделок. Я был (и остаюсь) тихим ботаном, вечным маменькиным сынком. Я соглашался на любую её затею, участвовал во всех вылазках, несмотря на неусыпное внимание бабушки и деда. Если бы они только знали, где мы побывали и что успели увидеть во время нашей дачной вольницы! Она была храбрым рыцарем, я - лишь верным оруженосцем. Крепко ухватив Нинкину маленькую ладошку я, не задумываясь, шагал туда, куда хотела она!

Помимо нашей неразлучной команды по дачному посёлку сновали и другие группы ребят. С кем то мы дружили, с кем то только общались, но была пара мальчишек, которым не давала покоя наша странная группа – Нинка, и с нею, явно ведомыми, двое мальчишек. Я забыл упомянуть о нашем третьем приятеле – болезненном романтичном Артуре. Он, как и я, таскался за Нинкой хвостом, и, без конца ужасаясь её затеям, всё же плёлся в арьергарде нашей колонны. Так вот, эти парнишки – Мишка и Борька, без конца подначивали нас с Артуром, дразнили и задевали, а иногда и поколачивали. Если бы не Нинка, мы бы и носа не смели высунуть за границы своих участков. Маленькая, тощая, храбрая - она легко справлялась не только с ровесниками, но и ребята постарше уважали и слушались её. Что в ней было? Не знаю. Какой-то задор, бесшабашность и абсолютное бесстрашие: залезть в яму к бродячей собаке, чтобы посмотреть на щенков,

сигануть первой с самодельной трёхметровой вышки в карьер, схватить плывущего ужа за хвост, не будучи уверенной, что это уж, а не гадюка, которых полно в наших болотах... Одним словом, я был её вечным пажом и верным Санчо Панса. Утро начиналось с Нинки, а ночь наступала, когда она уходила спать.

Глава 2.

Разве я – предатель?

В то лето нам исполнилось по двенадцать лет. Всё было, как было – весело, счастливо, вместе. Но я стал старше и всё чаще и внимательнее прислушивался к разговорам взрослых.

Я жил в дружной семье – мама и отец любили проводить выходные с бабушкой и дедом. Застольные беседы часто касались наших соседей и приятелей бабушки и деда, Омельченко.

- Вот вырастет наш Славка и невеста под боком, - это дед так шутит.

- Саша, не дразни Славика, пусть дети играют, - это бабушка.

- Да он вас даже не слышит, вон телевизор смотрит и ухом не ведёт, - отец.

- Честно говоря, странные у Омельченко девочки, - это мама: – Во - первых, не похожи совсем, будто и не сёстры, а во - вторых, мне Нина не нравится абсолютно. Такая она чумазая вечно, растрёпанная, да и чернявая, как цыганчонок.

- Конечно, милая, Славочка выберет девушку, похожую на тебя, голубоглазую и светловолосую, - это вновь отец.

- А чем Нинуля плоха, - это бабушка выступила на защиту, - она добрая и славная девочка, да и симпатичная вполне.

- Да такие и парни не всякий год родятся, а тут девка, ну и оторва! – это дед.

- Вот именно, что, оторва. Не вижу в ней ничего симпатичного, и их дружба со Славой мне не нравится. Она его хорошему, не научит! - это мама возмущённо.

Вот такие беседы велись частенько в моём присутствии и это, заставляло меня взглянуть другими глазами на моего детского кумира. Был ли я влюблён в неё тогда? Не знаю, думаю, это было что-то иное, чему нет у меня названия. Но, под влиянием маминых слов, я стал приглядываться к Нинкиному лицу, пытаюсь понять, красива ли она? Я не понимал, как это? Вот мама красивая: голубые глаза, золотая причёска, вкусный запах. Да и папа всегда говорит ей: «Красавица моя!» Мама красивая, это понятно, но Нинка? Светло-карие глаза, русый хвостик, неременное пятно на носу или щеке и застиранные добела шорты...

В пятницу, в конце июля, мама и отец приехали на выходные нагружённые пакетами и судками с продуктами.

- Славик, к нам завтра приедут тётя Оля и Леночка. Ты помнишь Леночку, вы играли малышами? – это мама.

- Ой, это та красивая девочка, с которой Славочка для журнала снимался? – это бабушка.

И правда, был в моём ясельном прошлом такой эпизод – фото для журнала, на конкурс.

Слова «красивая девочка» были произнесены, и я стал с нетерпением ждать Леночку, чтобы сравнить свою подружку с признанным эталоном и понять, кто же красивее.

И вот «пик – пик», голубая машинка у ворот – это приехали тётя Оля и Леночка. Пока тётя Оля и мама целовались, ахали и говорили друг другу комплименты, я во все глаза разглядывал Леночку. Очень белокожая, с затейливо заплетенными косичками, она, определённо, была симпатичной. А преувеличенные ахи и охи бабушки и мамы, убедили меня, что Леночка лучшее и красивейшее существо на свете! Нас, со всем официозом, представили друг другу и я, как истинный джентльмен, стал развлекать юную леди, сопровождая её на прогулке, среди грядок с морковью и луком.

Через сетчатый забор я увидел Нинку. Взъерошенная, в старом сером купальничке, заметив меня, она рванулась к заборчику с азартно горящими глазами – видно очередная идея-фикс уже созрела в её разлохмаченной головёнке.

- Славка, я..., - начала она и тут заметила рядом со мной бело-розовую зефирную Леночку. Нинкины глаза распахнулись, обегая всю плотненькую фигурку моей гостьи со всеми её чистейшими рюшами и бантиками на лаковых туфлях. На Нинку неземная зефирность не произвела впечатления, она вопросительно смотрела на меня, вздёрнув бровь и уголок губ в нетерпеливой усмешке – «Ну, и ?...»

Я же, вдруг, весь охваченный жаром и странным стыдом, пробормотал что-то нечленораздельное, вроде «Я не играю» и повернулся к забору и Нинке спиной.

- Это твоя знакомая, - взрослым голосом спросила Леночка и я, застыдившись Нинкиной непрезентабельности, ответил: «Нет, так, соседка».

Весь день я провёл с Леночкой и моими родными. Выслушивал бесконечные похвалы и комплименты, ел шашлыки, пил газировку и даже не вспоминал о Нинке, только к забору, почему-то не решался подойти. Нинка тоже не мелькала на горизонте.

Гости пробыли два дня и в воскресенье уехали поздно вечером, как и мои родители.

Утром я долго валялся, долго завтракал, медленно одевался, придумывая самому себе причины для бесконечных задержек.

- Славик, иди погуляй, подыши. Нинуля уже давно пробежала мимо, но к нам не зашла, почему-то – это бабушка.

- Да она приревновала Славку к этой толстушке. Он с Леной два дня гулял, бросил старую подружку, а Нинка – девка с характером! – это мой бесцеремонный дед.

Скованный неловкостью, конфузом, обуреваемый непривычными мучительными чувствами, я вышел на улицу и побрёл к Нинкиной калитке. Мне было страшно, очень – очень страшно. Я ждал чего-то плохого и знал за собой вину, хотя не называл свои чувства даже себе самому.

- Тётя Тоня, Нина дома? – крикнул я от калитки, хотя совсем недавно, ещё позавчера, забегал к ним во двор, как к себе.

- Иди, Слава, она за домом, на качелях, - ответила Нинина мама.

Нинка была там, и не одна. Мишка и Борис сидели на качалке, а Артур раскачивал качели, где болтала ногами Нинка. Артур в одной компании с этими придурками? Я остолбенел. Его, хилого плаксивого диабетика, они драконили в сто раз сильнее, чем меня. И вдруг... Я мялся у скамейки, чувствуя, что покрываюсь багровым румянцем и, одновременно, гусиной кожей. Нинка молчала, раскачиваясь всё яростнее. Артур давно отступил в сторону, он очень боялся высоты, даже если стоял на земле.

Наконец, Мишка, длинно залихватски сплюнув мне под ноги, соскочил с качалки так, что Борис, съехав вниз, треснулся спиной и взвыл.

- Ну что, в «съедобное – несъедобное»? - спросил он Нинку. Я – вожу.

Все уселись на скамейку у стены дома. Я конфузливо примостился с краю. Не трудно догадаться, что за «блюда» доставались мне от Мишки. «Говно свинячье», «дохлая ворона», «блевотина» и «понос» - всё это, вместе с мячом, раз за разом влетало мне в руки.

Хохотали все, даже Артур. Наконец, Мишкина фантазия истощилась.

- Жара. Айда купаться, - предложил он через секунду. Нинка, даже не взглянув на меня, крикнула: «Ага, я за полотенцем», и замелькала длинными смуглыми ножками по ступенькам лестницы. Нинка прекрасно знала, что меня ни за что не отпустят одного на карьер, а Артур и вовсе не умеет плавать. Нас намеренно исключали из компании. Через минуту, крикнув маме, что уходит, Нинка с моими главными врагами, убежала на карьер. Мы с Артуром остались вдвоём на чужом дворе. Так было уже сто раз, сто раз до этого. Мы играли у Нинки на площадке, качались на качелях, пока она ела или уходила в магазин, но в этот раз! Я чувствовал себя воришкой, лишним, чужим и очень – очень одиноким и несчастным. Артур, потоптавшись около меня, вздохнул: «Скучно без Нины, придумай, во что поиграть?»

- Ни во что, - отрезал я. – Ты остаёшься? Мне домой надо.

Недовольные жизнью и друг другом мы побрели со двора. Больше я никогда не заходил сюда, не качался на этих качелях.

Этим летом я делал ещё пару попыток помириться с Нинкой, если это можно так назвать. Я приходил - она уходила, я спрашивал – она отвечала, звал играть – она соглашалась, но разве мог я придумать, что-то, кроме глупого хождения между грядок с морковью и луком. Вот так.

Этим же летом у Нинки появилась подружка – вместо двух оруженосцев, одна фрейлина. Её звали Ксюша. Они стали неразлучны, как мы когда – то, даже больше того.

- Славик, а что ты не гуляешь? Вы с Нинулей поссорились? – волновалась бабушка.

- Ну конечно, 12 лет не ссорились, а тут нате вам! Обидел он её, вот и весь сказ – резал правду дед.

В общем, делать мне на даче стало нечего, и родители забрали меня в город.

Глава 3.

Вот теперь, точно – всё.

Прошёл год. Ехать на дачу не хотелось, но бабушка очень звала, и маленькая надежда ещё жила в душе: «Ну не будет же она сердиться вечно, и что я сделал, ничего особенного...» - так я подбадривал самого себя.

Но ничего не изменилось, дружба окончилась, видимо, навсегда. Был один момент, заставивший меня надеяться. Бабушка послала меня в магазин за хлебом и молоком. В дверях я почти столкнулся с Нинкой и Ксюхой. Я ужасно стушевался и, не поздоровавшись, прошмыгнул мимо них на улицу. Не успел сделать и шагу, как увидел, что на меня летит велосипед. Резко отшатнувшись, я споткнулся и упал, пакет с хлебом отлетел на крыльцо. Нинка подняла пакет, сунула мне в руки и толкнула двумя руками в бок весело гогочущего Мишку. Мой вечный обидчик повалился вместе с великом на гравий.

- Дурр-ра! Я раму обдеру, велик новый! – заорал Мишка.

Но Нинка развернулась и ушла в магазин, не слушая, ни моего «спасибо», ни Мишкиных воплей. Я опасался, что Мишка поедет за мной, но у него, ясное дело, нашлось дело в магазине.

Напрасно я маялся у забора весь день, надеясь, что этот случай позволит мне заговорить и помириться с Нинкой. Увы, всё напрасно. Больше мы не общались. Кивали друг другу при встрече, как очень взрослые и очень интеллигентные люди.

Было скучно. Я читал, играл в PSP, звонил приятелям и ждал приезда родителей в пятницу.

Родители приехали и... привезли тётю Олю и Леночку – красавицу.

Я испытывал странную раздвоенность чувств. Злился на Нинку, хотел с ней помириться и надеялся, что она будет ревновать меня к Леночке, как я её к Мишке. Хотя, стоп, я не ревновал вовсе, чего ревновать – он придурок, а на неё мне всё равно.

В общем, я обрадовался маме, отцу и даже тёте Оле с Леночкой.

Леночку я видел несколько раз в течение года – наши матери ездили в гости друг к другу. Она повзрослела, вытянулась, немного похудела, но футболочку ощутимо распирали юные груди – предмет моего неловкого внимания. С Леночкой было скучно, но комфортно – каждый из нас занимался своим делом и не мешал другому. Леночка сидела в «контакте», я играл в PSP, потом наоборот.

И вот мы на даче. Леночка была классно одета, она выглядела уже как девушка, хотя была старше меня всего на год-полтора и у неё были длинные светлые волосы. Теперь, и мне самому она казалась красавицей.

Застольные беседы крутились вокруг бизнеса моего отца, нового любовника тёти Оли и наших с Леночкой персон. Взрослые, немного выпив, забывали о том, что мы здесь и всё слышим, и вели себя непосредственно, как дети.

- А что, твой шеф опять укатил, - это дед спросил у отца.

- Хорошо, что ты, Петя, кристальной честности человек, повезло твоему шефу, - это бабушка хвалит зятя.

- Да, мой муж просто сокровище! Любит меня, сына, шефа и Родину, - это мама, обнимая отца.

- А мой козлик любит меня, а я его сладкие денежки, - это тётя Оля.

- И как это ты, Ольга, умеешь цеплять мужиков с деньгами. Вот моя соседка, Тонька Омельченко, как овдовела, так уже третий год одна,- это бабушка о Нинкиной маме.

- Да, живётся им трудновато, всё же двое девок. Спонсор бы не помешал, – это практичный дед.

- Да ваша Антонина, сама странная и девочки у неё такие же. Одна не от мира сего, а вторая такая оторва, что не знаю, в кого и вырастет! – это мама раздраженно.

- А, по-моему, они славные, добрые такие, все соседи их любят, - это бабушка кинулась на защиту.

- Да мама, ты просто дружишь с Антониной и по доброте своей ничего не замечаешь. А я со стороны больше вижу, - это мама.

- И что ты видишь? – это папа заинтересовался.

- Да Тоня блаженная, какая-то, с цветами разговаривает, Аня красавица, но отстранённая, замкнутая, ни одной подруги нет, а Нина ходит по лезвию, адреналинщица маленькая. Не хочу худого говорить, но если она сейчас такая, то что потом будет? – мама бурлит эмоциями.

- Да если бы не Нинка, Славик наш уже бит бы был и не раз, - хмыкает дед.

- Как, Славу обижают! Вы ничего не говорили! – ахает мама.

- Да кто его обижает, он и на дачу-то не ездит, - это дед примирительно.

- А раньше, что было? Мы родители! Мы должны были знать! – мама в ужасе.

- Машенька, да кто мог его обидеть рядом с Ниной. Она сама, кого хочешь, обидит. Ну, то есть, раньше, когда они дружили, - закручинилась бабушка. Она переживает больше меня, как мне кажется.

- Ой, а я так только рада, что Славик с Нинкой больше не общается, - это мама тете Оле. – Вот твоя Леночка просто прелесть. Ты её одеваешь так нарядно, а какие у неё волосы!!!

- Ты сама у меня красавица и нравятся тебе красавицы. Подобное тянется к подобному, - это папа разряжает обстановку.

- А мне приятно, что Славе нравится то же, что и мне. Это говорит о родстве душ, - это мама, ласково глядя на меня.

- Славочка у вас очень красивый мальчик, а какой высокий для своих лет! – это тётя Оля с ответным дифирамбом.

- А то, весь в деда! – выпячивает грудь дед.

Мы с Леночкой сидим на диване и делаем вид, что смотрим телевизор. Слушать комплименты в свой адрес приятно и между нами возникает волна сладких эмоций и взаимной симпатии. Грустные мысли о потерянной дружбе отступают. Я чувствую себя высоким и красивым, и мне хочется прогуляться по посёлку, демонстрируя всем свою симпатичную подружку.

- Мам, пап! Мы с Леной погуляем? – полувопросительно - полуутвердительно заявляю я.

Мы идём по нашей дорожке. Вечер, но ещё совсем светло. Белые ночи, привычное дело. Народу ни души. Я скашиваю глаза на Нинкин участок. Пусто. Нет даже тёти Тони, хотя, обычно, она допоздна со своими цветами.

Доходим до центрального поворота. Никого, кто мог бы оценить красоту моей белокурой подружки и потом передать, при случае, кое-кому.

Вот и карьер у магазина. Издалека слышен визг и хохот купающихся. Из-за ивы я уже вижу, что Нинка, Ксюша и прочие – всякие, тоже здесь. Мишка и Борис, сложив руки домиком, раскачивают над водой Нинку. Ксюша считает: «Раз, два...». На счёт «три» Нинка взлетает в воздух и рыбкой уходит под воду. Через пару секунд она выныривает и Мишка, поймав уплывающую резинку для волос, тянет Нинку за руку к себе.

- Хочешь ещё? – спрашивает он.

- Нет, теперь я, теперь меня! – верещит Ксюша.

- Да, теперь пусть Ксюшка, - кивает Нинка, затягивая мокрые волосы резинкой.

- Раз, два, три, - считают парни и Ксюша, подняв тучу брызг, ныряет в глубину.

В этот момент Мишка замечает меня и Леночку. Я выпрямляюсь, помня, что я высокий и красивый, и делаю вид, что не пялился, секунду назад, на них во все глаза. Леночка заученным движением встряхивает головой, волосы переливаются на плечах, в руках ромашка. Не девочка, а мечта!

- О, Нинка, гляди, твой придурочный сосед с сосиской гуляет. Эй, толстуха, держи его за руку, он падает часто. Особенно у магазинов, – орёт мой враг.

Это ужасно обидно и несправедливо, но я наступаю на камень и делаю неловкое движение руками, чтобы не упасть. Не упасть у дверей закрывающегося магазина!

- Уроды убогие, - бросает Леночка и, развернувшись, быстро уходит в сторону дома. Глупо, но я вдруг замечаю, что в своих розовых лосинках и розовом топике она, действительно, похожа на ...сосисочку. Беспомощно оглянувшись, я вижу, что Нинка уже на берегу и смотрит на меня в упор, укутав плечи полотенцем. Я поворачиваюсь к ней спиной и бегу, чтобы догнать Леночку.

- Мне всё равно, всё равно, - твержу я себе, толком не сознавая о чём.

Леночка ждёт меня. Мы вновь идём рядом.

- Ой, какой цветочек розовый, сорви мне, - лепечет она.

Я с готовностью обдираю несчастный люпин у забора и вручаю ей букет. Леночкин восторженный взгляд заставляет меня забыть о недавнем унижении и о тонкой фигурке в знакомом выцветшем купальнике.

- Как эти гопники местные могут купаться в такой грязи. Там камыш растёт и жабы прыгают. Ты что, знаком с ними, с бомжами этими? – Леночка делает вид, что не узнала Нину, о которой столько слышала, да и видела не раз.

- Так, играли в детстве, давно. Я уже не помню, кого как зовут, – вру я, подыгрывая Леночке.

- А мы с мамой в Египет через две недели едем, - роняет Леночка.

- А мы в Турцию в августе. А на весенних каникулах во Франции были. Правда всего три дня – у отца командировка была.

- Да, я знаю, твоя мама моей рассказывала, а потом я фотки в «контакте» видела.

Мило болтая, довольные друг другом, идём назад и вдруг...

- Слава, добрый вечер! Здравствуй, девочка, - это тётя Тоня из-за забора. Ты Нину не видел? Убежала купаться, и нет до сих пор.

- Нет, не видел, - буркаю я, покраснев, и ссутулившись, быстро иду к своей калитке. Почему я соврал? Зачем? Мне нравилась тётя Тоня и старшая Нинина сестра Аня, тоже. Было в них нечто, чего я не встречал в других знакомых мамы и отца: словно они позволяли мне быть самим собой и выплёскивать наружу чувства, и облекать эмоции в слова, и не осуждали, даже если я говорил что-то ужасное, с точки зрения других взрослых. И вот я соврал тётё Тоне и теперь злюсь на неё, на себя, на Нинку и, даже на Леночку.

- Леночка, Славик! Молодцы, что вернулись. Сейчас арбуз будем кушать – это бабушка.

- Слава, почему у тебя лицо такое красное, ты не заболел? – это мама.

- Где были, что видели? – это отец.

- Да дошли до пруда. Он такой грязный, а какие-то убогие дети там купаются. Наверное, родители - пьяницы, напились и спят, а эти бомжики малолетние как свинки в луже толкуются. Там даже две девочки! Мам, у них не купальники, а какие-то грязные тряпки, представляешь! – Леночка живописует, голос её полон мстительного удовольствия.

- Да, деточка, для некоторых людей отдых на даче – это грядки днём и пьянка ночью, - тётя Оля печально пожимает плечами.

Наутро мы, позавтракав, гуляем по садоводству, любуемся огромными домами, иногда занимающими почти все шесть соток. К моему ужасу, дойдя до участка Нинки, мы останавливаемся.

- Ой, красота какая! А почему места так много? – изумляется тётя Оля.

- Да у них два участка рядом куплены, вот и простор, - поясняет папа.

- Богатые? – главный вопрос тёти Оли.

- Нет, что ты. Это же Омельченко участок. У них отец умер, а Тоня в школе работает. Какие уж тут деньги. Видишь, дом не достроен, так и живут, - мама всё разъяснила.

- А, ясно. Странно, что тётка при таком приданном, мужика себе не нашла. А девки, как, ничего? – это практичная тётя Оля.

- Даже не знаю, что сказать. Славик с младшей дружил раньше. Не в моём вкусе, честно скажу, - мнётся мама.

И с этими словами, к моему облегчению, наша дружная компания уходит к дому бабушки и деда.

Сейчас, спустя столько времени, я пытаюсь понять, почему для меня так важно было понимать, что в глазах других людей, Нинка - красавица?! Зачем мне было знать мнение других о той, что значила для меня так много?

После этого я видел Нинку только в редкие дни приездов на дачу, из окошка моей комнаты на втором этаже. Она мелькала, как солнечный лучик, мимо наших ворот и никогда не поднимала глаз к моему окну, никогда.

Глава 4.

Август.

Прошло это лето, за ним ещё одно. На дачу я почти не ездил. Бабушка очень огорчалась и даже сердилась, по-моему, на Нинку, которая не желала со мной дружить и сделала мои приезды на дачу неинтересными и скучными. Я люблю бабушку и иногда, не в силах отказать ей, приезжал на день - другой, чтобы отчаянно скучать в своей комнатушке. Артура уже не было. Его родители продали дачу и там жили другие люди. У них к деду были какие-то претензии. Дед люто матерился, жалуясь на них отцу и соседям.

На эти выходные, в августе, вместе с родителями прикатили и тётя Оля с Леночкой и папин приятель Вовик. У деда был день рождения, и мы решили поехать к озеру, на пикник. Озеро было всего в километре от садоводства, в лесу. Ещё пару лет назад о нём мало кто знал, там было пусто и тихо. В этот же раз мы едва могли втиснуть машины между соснами, и пошли искать место, на котором поместилась бы вся наша компания. Наконец, обойдя почти всё озеро, мы нашли славную полянку и место для костра, среди камней. Здесь народу было немного, только сбоку, у обрыва, бесилась какая – то молодёжь. Костёр развели, половички расстелили. Дед остался готовить шашлык, а мы спустились вниз и устроились на узкой полосе песка. Мои отец и мама щеголяли шикарным турецким загаром, я тоже чувствовал себя неплохо и искоса пялился на Леночку. Золотисто – розовая, рослая, в ярком и очень открытом купальнике, она волновала меня. Мой взгляд поневоле, вновь и вновь, возвращался к её груди и ногам.

Мы немного поплавали и разлеглись позагорать и поглазеть на резвящийся рядом молодняк. Кто-то построил самодельный трамплин, приколотив длинную вибрирующую при каждом шаге, доску, к растущей у обрыва, сосне. Парни разбегались по доске, подпрыгивали, и, словно подброшенные катапультой, улетали в воду. Смотреть на это было здорово! Но, когда мы с отцом и Вовиком, подошли к доске, то, ни один из нас не решился даже дойти до края. Доска так тряслась и качалась, что был реальный риск слететь с шестиметровой высоты прямо на валуны. Наши дамы были на высоте – ни одна из них не упрекнула нас в трусости и не подначивала на этот дикий прыжок. Мы только глядели на этих самоубийц, впрочем, их было немного.

Итак, мы поджаривались на августовском солнышке, как вдруг над обрывом раздались резкие мальчишеские голоса, спор, смех и на доску выскочила тоненькая девчонка. Она нарочно раскачивала доску, приплясывая на ней так, что мальчишки не могли подойти, а сама она чудом держалась, рискуя упасть на камни. Затем неожиданный разбег и Нинка слетела вниз «солдатиком», как была, в шортах и майке. Вынырнув метрах в пяти, она крикнула друзьям: «Ну, кому слабо?» и поплыла к берегу. Мишка, естественно, сиганул за ней, подняв тучу брызг, а Ксюха, с визгом, прыгнула третьей. Наверху остался стоять только Борька.

- Совсем рехнулись, идиоты!» - крикнул он им и поволок в сторону велосипеды.

- Ужас! Какой ужас! – возмущалась тётя Оля.

- Родители, небось, и не знают, что они здесь вытворяют. Всё от попустительства и безнадзорности, - поддержала мама.

Храбрая девчонка какая, прямо циркачка, - голос Вовика звучал мечтательно.

- Дура безмозглая! – это Леночка.
- Маша, а это не Нина Омельченко? – спросил у мамы отец.
- Нет, не может быть, - ахнула мама. – Славочка, неужели это Нина была?
- Где? – я прикинулся идиотом и покосился на Леночку.
- Там, на доске, над обрывом? – допытывалась мама.
- Да она, это, она! Эту девочку ни с кем не спутаешь! – отозвался за меня отец.

Я лежал, вжимаясь в песок, мне было... очень, очень погано. А тут ещё отец раз за разом щёлкал фотоаппаратом, снимая летящую в воду, по высокой дуге, Нинку. Отец и Вовик явно восхищались Нинкой и её приятелями, а я чувствовал себя особенно неуклюжим и рохлеватым.

Леночка, поняла, что оказалась на вторых ролях и решила перехватить инициативу.

- Слав, жарко, пойдем в воду, - позвала она, грациозно, с её точки зрения, потягиваясь. Но красно-розовая толстая попка и потный, облепленный песком животик, в этот раз, не произвели на меня обычного впечатления. Тем не менее, повинаясь маминому грозному взгляду, я поплёлся в воду, боясь глянуть вправо – вдруг Нинкина компания тоже захочет поплавать.

Леночка плавала плохо, вернее никак, поэтому она барахталась в воде около меня, прыгала, держась за мою руку и, ненароком, задевала меня, то грудью, то голой ногой. Такое явное внимание льстило мне, я повеселел, но не мог не заметить, что ребята сели на велосипеды, и, в объезд озера, двинулись к садоводству. Ужас возможного столкновения отпустил меня, и я, раззадорившись, уже вовсю тискал под водой Леночку, всё же не забывая изображать благопристойность для наших родителей.

Больше в это лето я не видел Нину. Иногда образ её всплывал в моей голове, но обида, непонятная зависть и гнев не делали мысли о ней приятными. А после того, как папа вздумал сделать фотографию Нинки заставкой на рабочем столе своего компьютера, да еще и рассказывал всем знакомым, что летящая над водой девчонка – моя подружка и соседка по даче! Ого! Моя обида на Нинку, превратилась в клокочущую в груди, у горла, ненависть. Вынужденный скрывать свои чувства и пожимать плечами, при вопросах папиных приятелей о «т-а-а-кой подружке», я злился всё сильнее, пытаюсь сохранить внешнюю невозмутимость. К счастью, мама велела отцу сменить картинку на рабочем столе на что-то более «благопристойное, чем сумасшедшая полуголая девчонка» и этот источник раздражения был изгнан с моих глаз.

Глава 5. Какого чёрта!!!

Лето заканчивалось. Меня ждал девятый класс, уроки, школьные друзья и перспектива первых в жизни экзаменов. Я учился в языковой гимназии уже год. Перешёл из обычной средней школы и много занимался с репетиторами, чтобы не выглядеть идиотом на уроках английского и финского. Впрочем, точные науки